

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ
АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и темного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

АНГЕЛЫ
НАЛЬДУ
НЕ ВЫЖИВАЮТ

Том 2

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Ангелы на льду не выживают. Том 2 / Александра Маринина. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (А. Маринина. Больше чем детектив).

ISBN 978-5-699-82938-5

Прыжок. Еще прыжок. Холодная сталь коньков молнией рассекает голубой лед... Фигурное катание — красивый и изящный спорт. Миллионы людей с замиранием сердца наблюдают за выступлениями наших фигуристов.

И вот в этот сказочный мир мрачной тенью врывается жестокое убийство. Застрелен Михаил Валентинович Болтенков — тренер высшей категории, человек-легенда, мастер, взрастивший не одного чемпиона. Тело обнаружено у дома его коллеги Валерия Ламзина. Свидетели подтверждают: тренеры встречались перед убийством, они ругались и угрожали друг другу... Дело, как говорится, в шляпе. Но у Насти Каменской и ее друзей с Петровки — Анто-на Сташиса и Романа Дзюбы — свое мнение на этот счет. Им открывается правда о бесчеловечности и цинизме, пропитавших голубой лед. Лед, на котором ангелы не выживают...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82938-5

© Алексеева М.А., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Антону с трудом удавалось заставить себя сосредоточиться на дорожной ситуации. Он чувствовал, что очень устал. Просто смертельно. И непонятно, от чего больше — от работы или от никак не решаемой, какой-то тупиковой личной ситуации. Он уже позвонил Эле и пообещал ей, что через час она сможет уйти домой. В принципе, время позволяло сделать еще что-нибудь полезное по работе, еще нет десяти вечера, но сил совсем не осталось. День сложился суетно, а начался вообще черт знает как...

С утра Сташиса вместе с Зарубиным вызвал начальник отдела и почти слово в слово повторил то, что накануне говорил руководитель следственно-оперативной группы, только в более резких выражениях. Общий пафос его речи сводился к тому, что нечего изображать видимость активности, разрабатывая тухлую версию, лучше делом заниматься, вон убийство тренера висит нераскрытое, а по нему, между прочим, не с ФСБ спрашивают, как по Ефимовой, а с МВД, то есть с них.

— И почему это у тебя реально один Дзюба работает, я тебя старшим назначил, а ты дурака валяешь! — выговаривал он Антону. — И ты, Сергей Кузьмич, куда смотришь?

Сергей Кузьмич во время этой тирады смотрел в потолок. Но когда они вернулись в свой кабинет, который делили на троих — Зарубин, Сташис и Дзюба, высказал Антону все, что думал. В том числе и насчет того, что молодого и не особо опытного Ромчика оставили один на один с делом об убийстве. Опер с территории, Федор Ульяновцев, особо не убивается, поскольку земля — она и есть земля, на ней каждый час что-то происходит, и нет у него времени.

Антон понимал, что Зарубин прав. Сташис действительно подключился к делу Болтенкова только накануне, подробно выпросив у Дзюбы все, что тому удалось выяснить, и съездив вместе с ним к спортивной журналистке Тамиле Аласания. После встречи с журналисткой они поделили направления, Ромка отправился разрабатывать линию обвиненного в педофилии покойного Аникеева, а Антон занялся поиском информации об упомянутом Тамилей молодом спортсмене, занимавшемся танцами.

Каждая беседа с потенциальным свидетелем приносила урожай в виде все новых и новых имен: спортсменов, тренеров, функционеров Москомспорта, Федерации фигурного катания РФ и Министерства спорта, журналистов, администрации спорткомплексов... Свидетельская база разрасталась не по дням, а буквально по минутам. А ведь помимо мотива для убийства оставался неразрешенным вопрос об оружии, из которого застрелили Болтенкова и которое так и не было найдено. Если убийца Ламзин, то где он его взял и, самое главное, куда дел? На сегодняшний

день Ульяновцу, как утверждал Дзюба, не удалось получить ни одного свидетеля, который рассказал бы, что Ламзин действительно собирался купить пистолет и искал возможности это осуществить. И ни в одной оружейной мастерской, даже обладавшей самой дурной репутацией, Ламзина по фотографии не опознали как человека, который там появлялся хотя бы единожды. Не у себя же на кухне он собственноручно переделывал ствол травматика под стрельбу боевыми патронами! Бедный Ромка в самом деле разрывался на части, хорошо еще, что часть работы со свидетелями взяла на себя Каменская, которую адвокат привлек в качестве частного детектива.

За день Антону удалось опросить несколько человек, и к вечеру сложилась очередная история о Болтенкове, которая могла бы показаться чрезвычайно любопытной, если бы не закончилась трагически. Много лет назад в группе у Михаила Валентиновича Болтенкова тренировался мальчик по имени Евгений Зеленев. Хороший был мальчик, старательный, обладавший изумительным скольжением, в «школе», то есть в обязательных фигурах, ему не было равных. Он был одним из немногих, если не единственным, кто мог повторить фигуры Панина-Коломенкина. А это говорило о многом. Но увы... У него не было прыжка. Пластичный, артистичный, выразительный спортсмен, но если до тринадцати-четырнадцати лет он был технически вполне оснащен, то потом к 16 годам вдруг за короткий период сильно вытянулся в росте, мышцы стали длинными, и выполнять тройные

прыжки он больше не мог. Не получалось ничего. Прыжок он потерял. И когда Евгению исполнилось семнадцать лет и стало понятно окончательно, что карьера одиночника у него никогда не сложится, тренер Болтенков посоветовал ему перейти в другую группу и заняться танцами на льду.

Зеленов очень любил фигурное катание и совету тренера последовал. Его поставили в пару, дали очень хорошую партнершу, ребята быстро прогрессировали и, что называется, выстрелили, с самого начала занимая достаточно высокие для новой, нескатанной танцевальной пары места на соревнованиях, как на внутрироссийских, так и на международных юниорских. Они сменили тренера, и вроде бы все шло к успеху. А потом что-то пошло наперекосяк, не сложилось, не получилось...

История была печальной, но неудачная попытка сделать карьеру в танцах на льду при помощи нового тренера не была в ней главным. Главным было то, что, к сожалению, суицидальная попытка Жени Зеленова закончилась смертью юноши. Несмотря на то, что врачи сделали все возможное, чтобы его спасти. У него не выдержало сердце. И вот в этом оказался виновным не кто иной, как Михаил Валентинович Болтенков.

Чтобы это выяснить, Сташису пришлось разыскать и разговорить еще трех человек. Но в конце концов он получил более или менее цельную картинку.

В те времена, когда Зеленов тренировался у Болтенкова, Женя не восстановился после тяжелой ангины, однако тренер, Михаил Валентинович, заставил его поехать на соревно-

вания. Так, как выяснилось, делают довольно часто, чтобы спортсмена, находящегося далеко не в лучшей форме, «подложить» под кого-то: либо другому спортсмену надо было мастера спорта получать, а для этого необходимо обыграть на соревнованиях двух уже действующих мастеров спорта, либо очки набирать. Изначально было понятно, что не оправившийся после ангины и пропустивший почти месяц тренировок пятнадцатилетний Евгений Зеленов выступит плохо, но зато тот, в ком заинтересованы, займет более высокое место и, соответственно, поднимется в рейтинге. Женя ехать на соревнования не хотел, говорил, что не в форме, что выступит плохо, что не готов... Но Михаил Валентинович настоял, велел не придуриваться и пригрозил, что если будет выкобениваться — не поедет на международные соревнования. Или еще чем-то припугнул. Мальчик поехал и выступил, действительно выступил плохо, пропустив вперед себя откровенно слабого спортсмена, то есть свою функцию выполнил. И свалился с осложнением на сердце. Потом, конечно, выздоровел, начал снова тренироваться, но проблемы с сердцем остались, оно после того случая заметно ослабело. В принципе, после попытки покончить с собой мог бы выжить, если бы сердце не подвело.

Вот и еще кандидаты на роль убийцы Болтенкова появились. Наверняка у Жени Зеленова остались родители, друзья, может быть — братья и сестры. Правда, непонятно, почему нужно было ждать столько лет, ведь история эта началась, когда Жене было пятнадцать, закончилась через четыре года,

и миновало с тех пор больше десятка лет. Хотя... если речь идет о, например, младшем брате, то вполне может быть... Мальчик вырос. Или девочка, сестра.

Надо в первую очередь искать родителей Жени Зеленова и разговаривать с ними. Посмотреть, что за семья, узнать, были ли у Жени друзья, готовые мстить. Ведь друзей тоже нельзя сбрасывать со счетов: когда все случилось, они еще были в спорте, занимались собственной карьерой, а если не в спорте, то учились в институтах, получали образование, профессию. И вот прошли годы, бывшие мальчики оперились, превратились в сильных молодых мужчин, почему бы не поквитаться за смерть друга?

Да, все это хорошо. Только сил у Антона Сташиса нет совершенно. И домой надо ехать, няню отпустить. И к родителям Зеленова. Хотя... Кое-какие справки он уже успел навести по телефону и знал, что отец Жени умер несколько месяцев назад, а мать допоздна будет занята на работе. Даже если поехать сейчас к ней, а не домой, к детям, то дверь Антону никто не откроет.

Но есть человек, которого можно попросить помочь. И ничего страшного, если он немного слукавит. Лукавство — это не ложь, а всего лишь вторая сторона правды.

Он достал телефон и быстро нашел номер Каменской.

— Анастасия Павловна, можете? Замотался совсем, а у меня есть наводка на свидетеля, который может быть полезен в оправдании Ламзина. Только ехать нужно поздно вечером. А у меня дети, вы же в курсе.

Как он и надеялся, Каменская сразу согласилась поехать к матери Жени Зеленова, народной артистке России Алле Владимировне Томашкевич.

— А я уж подумала было, что вы меня избегаете, — усмехнулась Каменская. — Я ведь позвонила вам после встречи с Романом и ясно дала понять, что открыта для любого сотрудничества и мешать вам ни в коем случае не буду. А вы все не звоните и не звоните. Я решила, что вы меня игнорируете. Нет?

— Да вы что! — Антон даже задохнулся от негодования. Справедливости ради надо заметить, что негодование было наигранным и ничего подобного он на самом деле не испытывал.

Но его следующие слова были совершенно искренними.

— Я счастлив снова работать с вами! Просто, если честно, я только сегодня плотно подключился к делу Ламзина—Болтенкова, а до этого другим убийством занимался.

— Прощаю, — засмеялась Каменская. — Так вы говорите, Томашкевич сейчас на съемке? Где, не знаете? В павильоне или на натуре?

— Не знаю, — признался Антон. — А как это можно узнать? Мне только сказали, что до конца месяца она каждый день, кроме воскресенья, занята с семнадцать часов до позднего вечера, снимается в каком-то бесконечном сериале.

— Я узнаю, — пообещала Каменская. — И сегодня же попробую ее выловить. В крайнем случае — завтра с самого утра.

Антон с облегчением вздохнул. На сегодня все. А завтра с утра он отправится в Феде-

рацию фигурного катания и поговорит с тем чиновником, который так трогательно опекал тренера Болтенкова, всячески помогал ему и расправлялся с его недоброжелателями.

* * *

К Игорю Эдуардовичу Шнитову, члену исполкома Федерации фигурного катания, Антон Сташис поехал без предварительной договоренности. Имя Шнитова Каменская назвала Дзюбе, и Ромка уже съездил к нему, но, конечно, никакого результата не добился: молод еще разговаривать с чиновниками такого уровня. Или такого характера. Нужно предпринять вторую попытку, тем более что помимо характеристики Ламзина можно получить у Шнитова и детали истории о том, как Болтенков выживал Аникеева.

Конечно, Антон ехал не на авось, выяснил предварительно по своим каналам, в котором часу Игоря Эдуардовича можно застать, но все равно пришлось потратить некоторое время на то, чтобы отловить чиновника. Никакой радости от визита оперативника Игорь Эдуардович, полный и слегка даже обрюзгший мужчина лет сорока пяти, разумеется, не выказал. О Валерии Петровиче Ламзине отозвался негативно и даже выражений особо не выбирал.

— Да он сволочь та еще и вполне мог убить, он еще с юности склонен к насилию и очень агрессивен, — заявил Шнитов безапелляционно.

Антон сделал вид, что впервые слышит об этом, хотя Ромка ему все подробно пересказал, и не только то, что слышал своими

ушами, но и то, чем поделилась с ним Каменская.

— Агрессивен? А в чем это выражается?

— Ну как же! Болтенкову челюсть сломал, это вам что, не насилие?

— Но это было много лет назад, и всего один раз, они оба были, в сущности, мальчишками, детьми, — возразил Антон.

Голос Шнитова стал назидательным, и лицо приобрело соответствующее выражение.

— Знаете, у спортсменов детство заканчивается в пять лет. А в пятнадцать это уже взрослые самостоятельные люди, и, кстати, весьма и весьма физически сильные, многие уже деньги зарабатывают и родителям помогают в этом возрасте, а вы говорите — дети! — Он начал злиться и теперь уже заговорил с нескрываемым раздражением: — Я вообще не понимаю, зачем вы ко мне опять пришли! Ко мне уже приходил рыженький такой мальчик, теперь вот вы пришли, и все про Ламзина спрашивают, как будто я через два-три дня могу рассказать о нем что-то другое! Вам что, совсем заняться нечем? Ходите тут, одно и то же спрашиваете... Зря я понадеялся, что на Петровке сыщики получше, чем в округе Москвы. Такие же бездельники оказались. А может, и еще хуже. Извините, мне пора, у меня совещание.

Понадеялся он... Значит, именно Шнитов поднял волну вокруг убийства Болтенкова и звонил в Министерство внутренних дел с требованием подключить к расследованию самых лучших сотрудников.

Ну, совещание — так совещание. Коридор тоже хорошее место для продолжения раз-

говора. Антон вышел из кабинета вместе со Шнитовым, продолжая задавать вопросы, на которые Игорю Эдуардовичу все-таки пришлось отвечать. Впрочем, о Ламзине он рассказывал весьма охотно:

— Вы бы слышали, как он орет на всех, в том числе и на спортсменов, обзывает их! Лошади, коровы, кабаны, хряки, кнуры — это еще самое мягкое из его богатого лексикона. Короче, в выражениях не стесняется.

Зато когда Антон спросил об Аникееве, Шнитов раздраженно ответил:

— При чем тут Болтенков и Ламзин? Это не имеет к ним никакого отношения.

Понятно. Стало быть, Шнитов ничего рассказывать не собирается.

Все, кто попадался им на пути, здоровались с чиновником, заискивающе заглядывали в глаза, подобострастно улыбались. Все до единого. Кроме одной женщины в строгом деловом костюме, которая шла им навстречу с папкой в руках. Она смотрела мимо Шнитова, Шнитов же демонстративно отвернулся.

Распрощавшись с Игорем Эдуардовичем, Антон внизу, в вестибюле, внимательно оглядел стенд с фотографиями. Вот и она, та самая женщина в деловом костюме. Только на снимке она была в спортивной форме, стояла на пьедестале, на груди широкая лента с золотой медалью. Фотография примерно двадцатилетней давности, а то и больше. Сейчас этой женщине под пятьдесят. Людмила Волынец.

Все трепещут перед могущественным функционером. Все, кроме Людмилы Волынец. Вот и славно, трам-пам-пам!

* * *

От удушливого запаха есть только одно спасение — прохлада и свежесть. Ничего теплого, ничего, вызывающего ассоциации со сладкой душной тяжестью. Пятна масляной пастели выбраны холодных тонов, покрывающая их акриловая краска — бледно-голубая со стальным оттенком. А в ушах назойливо звучит неприятный, резкий голос женщины, которую он едва не сбил с ног, несясь по длинному коридору и не видя ничего вокруг.

«Смотри, куда бежишь! Совсем нюх потерял! Идиот! Тебя завтра же из команды вышвырнут! Хоть бы извинился, дегенерат чертов!»

Она стояла и кричала ему вслед, а он бежал, не оборачиваясь, и все никак не мог отделаться от отвратительного приторно-сладкого запаха ее духов. С тех пор этот запах преследует его уже много лет. До рвоты, до головной боли. Эти духи до сих пор «носят» многие женщины, и часто в общественном транспорте он грубо и насильно забивается в ноздри, не давая дышать. В такие дни он ходит больной.

Сегодня запах ему нигде не попался, но он вспомнил голос, слова, безвкусные аляпистые цветы на платье, и духи вернулись сами собой. Его начало подташнивать. Единственное спасение — холодные свежие оттенки пастели и акрила.

Звонок в дверь заставил художника вздрогнуть, но он тут же вспомнил: это, наверное, Ольга, они договорились, что она придет и сделает несколько фотографий новой работы, чтобы Алла Владимировна определилась: